

DOI: 10.31862/0130-3414-2024-5-101-109

УДК 372.882

А.В. КулагинГосударственный социально-гуманитарный университет,
140411 г. Коломна, Московская область, Российская Федерация

«Мы не поздно пришли и не рано...»: факультативное занятие по песенной поэзии М.Л. Анчарова

Аннотация. В статье предложена методическая разработка факультативного занятия для учащихся 11 класса по песенной поэзии Михаила Леонидовича Анчарова (1923–1990) – поэта, прозаика, драматурга, участника Великой Отечественной войны, одного из представителей литературы эпохи «оттепели» и основоположников авторской песни, оказавшего заметное влияние на ее становление (особенно – на творчество В.С. Высоцкого). Активная работа Анчарова в области авторской песни приходится на вторую половину 1950-х – первую половину 1960-х гг. Учителю предлагается провести занятие с использованием нескольких песен барда, позволяющих затронуть важнейшие грани его поэтического мира: тему творчества, раскрытую Анчаровым в романтическом ключе («Песня про деда-игрушечника...», 1958); тему «маленького человека», возвращение к которой актуально для культуры 1960-х гг. («МАЗ», 1960–1963); военную тему, получающую у поэта общечеловеческое звучание за счет неожиданного для атеистической советской эпохи обращения к христианским мотивам («Баллада о танке Т-34...», 1965); наконец, тему поколения, прошедшего войну и открывающего для себя возможности новой, созидательной, жизни («Большая апрельская баллада», 1966). Учащимся предлагается послушать песни заранее и/или в классе во время занятия и обсудить вопросы, связанные с каждой из них; вопросы тоже можно для подготовки дать заранее. По ходу занятия предполагается опора на литературную традицию (в частности, творчество М.Ю. Лермонтова, его стихотворения «Пророк» и «Дума»). Занятие призвано дополнить представления старшеклассников о литературе периода «оттепели», об авторской песне и ее развитии.

Ключевые слова: М.Л. Анчаров, авторская песня, песенное искусство эпохи «оттепели», внеклассная работа при изучении литературы, ролевая лирика, творческая манера автора песни

ССЫЛКА НА СТАТЬЮ: Кулагин А.В. «Мы не поздно пришли и не рано...»: факультативное занятие по песенной поэзии М.Л. Анчарова // Литература в школе. 2024. № 5. С. 101–109. DOI: 10.31862/0130-3414-2024-5-101-109

A.V. Kulagin

State University of Humanities and Social Studies,
Kolomna, Moscow region, 140411, Russian Federation

“We were neither late nor early...”: An extracurricular lesson on M.L. Ancharov’s song poetry

Abstract. The article proposes a methodology of an extracurricular lesson on the song poetry of Mikhail Leonidovich Ancharov (1923–1990), intended for the 11th grade students. Ancharov was a poet, prose writer, playwright, participant in the Great Patriotic War, one of the representatives of the literature of the “Thaw” era and the founders of the author song, on which formation he had left a significant impact (especially on V.S. Vysotsky’s work). Ancharov’s active work in the field of the author song occurred in the second half of the 1950s – the first half of the 1960s. The teacher is invited to conduct a lesson using several songs of the bard, allowing them to touch on the most important facets of his poetic world: the theme of creativity, revealed by Ancharov in a romantic way (“Song about the grandfather-toymaker ...”, 1958); the theme of the “little man”, a return to which is relevant for the culture of the 1960s (“MAZ”, 1960–1963); a military theme, for which the poet acquires a universal resonance due to an unexpected for the atheistic Soviet era turn to Christian motifs (“The Ballad of the T-34 Tank...”, 1965); and finally, the theme of a generation that has gone through the war and is discovering the possibilities of a new, creative life (“The Great April Ballad”, 1966). Students are encouraged to listen to the songs in advance and/or during class and discuss issues related to each song. Questions can also be given in advance for preparation. During the course of the lesson, it is expected to rely on the literary tradition (in particular, the work by M.Yu. Lermontov, his poems “The Prophet” and “Duma”). The lesson is designed to complement the ideas of high school students about the literature of the “Thaw” era, about the author song and its development.

Key words: M.L. Ancharov, the author song, the singing art of the “Thaw” era, the extracurricular work when studying literature, the role-playing lyrics, the original manner of a song creator

CITATION: Kulagin A.V. “We were neither late nor early...”: An extracurricular lesson on M.L. Ancharov’s song poetry. *Literature at School*. 2024. No. 5. Pp. 101–109. (In Rus.). DOI: 10.31862/0130-3414-2024-5-101-109

В 2023 г. исполнилось сто лет со дня рождения поэта, барда, одного из основоположников авторской песни, прозаика, драматурга, художника Михаила Леонидовича Анчарова (1923–1990). Юбилей оживил интерес к этой самобытной фигуре эпохи «оттепели» и последующих десятилетий: в преддверии «круглой» даты вышло пятитомное собрание сочинений Анчарова [2], издана написанная Ю.В. Ревичем и В.Ш. Юровским довольно подробная биография его [6], а непосредственно в юбилейные дни появился первый сборник научных статей и воспоминаний о писателе, включающий в себя и составленную В.Ш. Юровским библиографию [4]. Многочисленные материалы выложены на мемориальном анчаровском сайте¹.

Напомним, что еще на рубеже веков фигура Анчарова была широко представлена в антологии «Авторская песня», адресованной учителям и школьникам [1, с. 182–227], а чуть позже его поэзия была рассмотрена в монографии И.Б. Ничипорова об авторской песне с точки зрения жанра баллады, к которому бард тяготел [5, с. 262–275].

Одним словом, уже есть необходимая база, позволяющая популяризировать творчество М.Л. Анчарова, в том числе знакомить с ним школьников. В школьной программе имени Анчарова нет, но хотя бы одного занятия в рамках факультативного занятия (или внеклассной работы) оно, на наш взгляд, вполне заслуживает. Мы предложили бы выбрать из анчаровского наследия авторскую песню: благодаря мелодии и авторскому исполнению она доходчива, в ней поэтический смысл (а в этой области творчества всегда

первостепенен именно он) акцентируется голосом, интонацией, ритмом. Авторские песни Анчарова, в советское время известные – как и почти все творчество его коллег-бардов – только «неофициально», по магнитофонным записям, выпускались в период «перестройки» и в постсоветские годы на разных носителях, но теперь они доступны в Интернете (в частности, на упомянутом выше сайте), поэтому учитель легко может ими воспользоваться.

Напомним, что в списке поющих поэтов, обращение к творчеству которых предусмотрено школьной программой, есть Б.Ш. Окуджава и В.С. Высоцкий; песни М.Л. Анчарова могли бы обогатить в сознании учащихся представление об авторской песне как значительном культурном явлении «оттепельных» и «послеоттепельных» лет (тем более что на творчество Высоцкого песни его старшего товарища и коллеги повлияли очень заметно [4, с. 62–73], и об этом учащимся тоже можно сказать). Логичнее всего провести такое занятие в выпускном классе, при изучении литературы соответствующей эпохи.

Если песни не только слушать, но и комментировать, анализировать (а это и нужно делать), то в сорок пять минут урока едва ли можно включить более четырех произведений (знаем это по собственному опыту выступлений перед школьной аудиторией). Поэтому предложим свой вариант такого набора, с учетом того, чтобы разговор о той или иной песне включал бы в себя и биографический материал, т.е. позволял бы «убить двух зайцев» – ознакомить учащихся с основными биографическими фактами и показать автора как поэта, охарактеризовать, пусть кратко, его творческую позицию и творческую манеру.

¹ См.: Михаил Анчаров. URL: <http://ancharov.lib.ru/> (дата обращения: 16.08.2024).

Предлагаем учителю дать учащимся предварительное задание на дом: пусть школьники до занятия послушают записи песен в Интернете и подумают над предложенными вопросами. В классе песня анализируется (лучше всего – в форме беседы), и после этого, уже на новом уровне, прослушивается еще раз; первое впечатление учащихся о ней корректируется на основе проведенного в классе анализа.

Начать разговор стоит, как нам думается, с темы малой родины поэта – московского района с историческим названием Благуша (местность к северу от станции метро «Электrozаводская», между рекой Яузой и Измайловским парком; ныне эта территория входит в состав района Соколиная Гора). В годы детства и юности Анчарова это была рабочая окраина города. С нею (и с темой детства) связан сюжет анчаровской «Песни про деда-игрушечника с Благуши» (1958). В песне отчетливо проступает жизненная и творческая позиция поэта, которую иногда называют романтической. Лирический герой, «мальчишка-богомаз», по ночам, втайне от всех, вырезает «из досок чумазных... коней золотых», т.е. творит искусство. Это занятие вызывает полное неприятие его «коллег», которые мальчишку «по спине в три полена крестили и в огонь покидали коней». И здесь лирический сюжет приближается к главному:

Шел я пьяный. Ты слушай – не слушай,
Может, сказку, а может, мечту,
Только в лунную ночь на Благуше
Повстречал я в снегу Красоту.

[2, т. 2, с. 629]

Встреча становится поворотной в судьбе героя: персонифицированная, аллегорическая Красота внушает ему, что служение высокому важ-

нее переживаемых им неурядиц: «Кто мечтой прямо в сердце ударен, / Что тому до побоев земных?» Отсюда и недвусмысленная концовка, показывающая, что своим преследователям герой не уступит: «Отпустите меня, богомазы! / Не отдам я вам рыжих коней!» Антитеза высокого и низкого, поэтической мечты и грубой реальности проходит через сюжет песни и на уровне языка: с одной стороны – «золотые» (кони), «лунная ночь», «мечта», «сердце» (здесь это поэтизм), «Красота»; с другой – «руки крутили», «по спине в три полена», «побои»; заодно и слово «богомазы» вместо более нейтрального или даже высокого «иконописцы» звучит сниженно, словно напоминая о разговорном происхождении своего второго корня (от глагола «мазать»).

Любопытно, что такой же, как в песне, герой и такой эпизод есть и в написанном позже романе Анчарова «Теория невероятности» (впервые опубликован в 1965 г.). Герой, тоже дед-игрушечник, благушинский житель, рассказывает, как по пути домой в зимнюю ночь встретил замерзавшую в снегу «неслыханной красоты девицу», и случай этот всю жизнь его «перевернул». Герой клянется служить ей и слышит в ответ: «Не клянись. У тебя талант коней золотых лелеять... Не клянись, а преклонись, да не забывай, а старайся» [Там же, т. 1, с. 78]. В классе можно процитировать этот фрагмент романа как подтверждение значимости программного для Анчарова мотива служения художника своему призванию. Кстати, можно упомянуть и о том, что Анчаров то и дело включал в прозаические произведения собственные стихи, что говорит в пользу лирического характера его прозы в целом.

Выше мы упомянули о романтическом звучании песни. Ее можно

сравнить с одним из вершинных произведений русского романтизма – стихотворением М.Ю. Лермонтова «Пророк», герой которого выпадает из мира обычных людей и гоним ими: «Смотрите ж, дети, на него: / Как он угрюм, и худ, и бледен! / Смотрите, как он наг и беден, / Как презирают все его!» [3, с. 491]. Концовка песни Анчарова более жизнеутверждающая, его герой остается победителем.

Сформулируем, соответственно, вопросы, на которых можно построить беседу по этой песне:

- 1) Какова ключевая поэтическая мысль песни, как она развивается?
- 2) Как сочетается в тексте песни лексика «высокая» и лексика «низкая»? Каков поэтический эффект этого сочетания?
- 3) Что такое аллегория, и как этот прием использован в песне?
- 4) Сравните сюжет песни с сюжетом стихотворения М.Ю. Лермонтова «Пророк». Что объединяет эти произведения и что отделяет их друг от друга?

Анчаров был – наряду с Василием Аксеновым, Булатом Окуджавой, Геннадием Шпаликовым, Василием Шукшиным – одним из тех представителей «оттепельной» литературы, кто заново вернул читателю классическую тему «маленького человека» и вдохнул в нее новую жизнь. Человек в его поэзии – не условный образцово-показательный «герой своего времени», каковым он иной раз являлся в советских романах типа «Кавалера Золотой Звезды» (1947–1948) Семена Бабаевского, а живая, сложная, противоречивая личность, которой «ничто человеческое не чуждо». Таков, например, герой песни «МАЗ» (1960–1963), в названии которой использована аббревиатура названия Минского автозавода: построенные там гру-

зовики колесили в ту пору по всем трассам Советского Союза.

Песня «МАЗ» – как, впрочем, и «Песня про дела-игрушечника...» – представляет собой образец ролевой лирики, т.е. лирики, написанной от лица героя, по своему социальному, культурному, психологическому уровню далекого от автора. Чаще всего такой герой – человек из простой среды («Бородино» М.Ю. Лермонтова, «Огородник» Н.А. Некрасова и др.). Для авторской песни, с ее установкой на устность, ролевая лирика, склонная к поэтическому «рассказыванию», оказалась очень органичной. Анчаров – и вслед за ним Высоцкий и Галич – не раз пользовались таким приемом, давая в песнях высказаться простому человеку, которому, несмотря на эту простоту, было что сказать и который оказывался внутренне не так уж и прост.

Герой песни – начальник автоколонны (теперь бы сказали – дальнобойщик), доставляющий грузы то в один город, то в другой. Слово «начальник» пусть нас не смущает – по своей психологии это обычный водитель, проживший типичную для людей его поколения жизнь, в которой были «год тюрьмы, три года Всевобуча, пять – войны» (поясним учащимся, что Всевобуч – всеобщее военное обучение, обязательная военная подготовка граждан в СССР):

Что за мною? Все трасса, трасса
Да осенних дорог кисель,
Как мы гоним с Ростова мясо,
А из Риги завозим сельдь.
Что за мною? Автоколонны,
Бабий крик, паровозный крик,
Накладные, склады, вагоны...
Глянул в зеркальце – я старик.

[2, т. 2, с. 642]

Однако в этом будничном и по-своему тяжелом труде есть своя значимость. «Маленький» человек ощущает себя нужным, делающим большое

дело. У него есть своя, если угодно, профессиональная гордость, о которой он говорит случайно встреченной в пути девушке, угощая ее (ну чем не кавалер!) в придорожном буфете «деликатесами» эпохи советского продуктового дефицита – ливерной колбасой и килькой пряного посола: «...Крошка, знаешь, зачем я гордый? – / Позади большой перегон». Он, несмотря на всю свою обыкновенность, – *горд* своим трудом, в этих строках заключена своеобразная кульминация песни.

Песня, погружающая слушателя в атмосферу шоферского быта, содержит немало разговорной лексики, контрастно звучащей на фоне «дистиллированного», просеянного через цензурное сито, языка многих публикаций тех лет. Можно ли найти на страницах журналов и книг 1960-х годов такие слова и выражения, как «вина полкило»; «хана»; «нервы устали, стервы»; «аорта бузит» (еще и с рефлексией по этому поводу: «слышь, бузит, – ты такого слова не слыхала: ушло словцо...»); «козырей в колоде немного – только лысина да ордена»? Наверное, можно, но не в такой плотности и не применительно к герою, вызывающему симпатию автора и слушателя. Однако поэт не стесняется речевой стихии и черпает из нее краски для портрета героя, образ которого такие краски ничуть не снижают.

Вопросы для обсуждения песни:

- 1) Что такое ролевая лирика и почему она оказалась востребована в авторской песне – в частности, в творчестве М.Л. Анчарова?
- 2) Какую нагрузку несет в песне рассказанная героем биография его?
- 3) Что дает герою основания быть «гордым»?
- 4) В чем своеобразие языка песни? Чем оправдан выбор лексических средств?

В песне «МАЗ» краем прозвучал, как мы заметили, мотив войны. Разговор о поэзии М.Л. Анчарова вообще немислим без военной темы. В 1941 г. юный Михаил добровольцем явился в военкомат и был направлен на учебу в Военный институт иностранных языков Красной Армии. По окончании его служил на Дальневосточном фронте, участвовал в боевых действиях на территории Маньчжурии. Так что о войне знал не понаслышке.

Мы предложили бы остановиться на «Балладе о танке Т-34, который стоит в чужом городе на красивом высоком постаменте» (1965). Она необычна уже самим выбором героя. Здесь не просто ролевая лирика: песня поется от лица... боевой машины, т.е. неодушевленного предмета. В этом смысле Анчаров был первопроходцем, если не считать написанную в том же 1965 г. песню «Кострома» Юрия Визбора (младшего товарища и коллеги Анчарова по авторской песне), а в непесенной поэзии – адресованную детям «Балладу (кстати – тоже балладу) о маленьком буксире» Иосифа Бродского, напечатанную в 1962 г. в детском журнале «Костер». Исследовательница бардовского творчества И.А. Соколова предложила называть такого героя нетрадиционным ролевым героем [7, с. 169].

Лирический сюжет песни чрезвычайно экспрессивен. Танк предстает как всепокрушающая сила, и эта сила гиперболизирована и олицетворена: «Впереди колонн / Я летел в боях, / Я сам нащупывал цель. / Я железный слон, / И ярость моя / Глядит в смотровую щель. <...> Обезумевший слон, / Я давил хрусталь, / Я сейфы сбивал с копыт. / Я слышал, как / Телефоны хрустят, / Размалываясь в пыль» [2, т. 2, с. 665]. Танк не едет, а «летит» – т.е. движется

с несвойственной наземной машине скоростью. «Железный слон» – двойная метафора: сначала машина уподобилась животному, а потом этому животному возвращено качество машины (железо). Но мало того: животное-машина теряет рассудок, подобно человеку («обезумевший слон»). В обороте «ярость моя глядит в смотровую щель» танку как бы отдано состояние человека – водителя: ведь в смотровую щель может глядеть именно он. И если танк похож на слона, то и жертвы танка могут быть метафорически уподоблены животным: «я сейфы сбивал с копыт».

В таком духе выдержана почти вся песня – до того момента, когда лирический сюжет делает резкий поворот. Поэт вдруг переходит на прозу, позволяющую ему обойтись без жесткой ритмической манеры, характерной для предыдущих куплетов, и декламировать текст приглушенно, сдержанно: «И вот среди раздолбанных кирпичей, / Среди разгромленного барахла / Я увидел куклу. / Она лежала, раскинув ручки, / В розовом платье, / В розовых лентах, – / Символ чужой любви, чужой семьи...» [2, т. 2, с. 665]. Вид детской игрушки оказался сильнее всей железной «ярости» танка: «...Но я на куклу / Не смог наступить – / И потому убил» [Там же].

Песня звучала неожиданно в советскую эпоху, культивировавшую силу, в том числе военную. Тогдашняя официальная идеология не раз припоминала название горьковской статьи 1930 г. – «Если враг не сдается, – его уничтожают». Нам скажут: для оборонительной войны, какой Великая Отечественная была для советского народа, это естественно. Все так. И песня Анчарова вовсе не перечеркивает пафоса противостояния фашизму. Но тем смелее звучит

его поэтическая мысль о торжестве милосердия и добра даже в условиях войны, когда победа может быть оплачена, казалось бы, любой ценой. Не любой. Но совсем уже невероятными для атеистической эпохи 1960-х гг. (напомним, что при Н.С. Хрущеве прошла новая волна борьбы с религией как «опиумом для народа») кажутся вот эти строки «Баллады о танке...»:

И занял я тихий
Свой престол
В весеннем шелесте трав, –
Я застыл над городом,
Как Христос,
Смертию смерть поправ.

[Там же, с. 666]

Христианский мотив вовсе не снижает лирическую ситуацию, как могли бы подумать ортодоксально мыслящие советские критики (они, впрочем, песенное творчество Анчарова – как и творчество Галича или Высоцкого – старались не замечать); напротив, он возвышает ее до общечеловеческого уровня, делая еще более внятной поэтическую мысль о бесчеловечности войны. Обратим внимание и на необычное, «длинное» название песни. Оно вообще – в духе Анчарова, контрастно оттенявшего таким, как будто не вполне серьезным, «многословием» трагическую суть сюжета песни.

Вопросы для обсуждения:

- 1) С помощью каких художественных средств передана мощь боевой машины?
- 2) В чем особенность композиции песни?
- 3) Чем оправдана прозаическая вставка в ее тексте?
- 4) Какую нагрузку несет христианский мотив в финале?

Завершить разговор о песенной поэзии М.Л. Анчарова можно «Большой

апрельской балладой» (1966) – в каком-то смысле программным его произведением. Песня – своеобразный поэтический итог «оттепели». Во-первых, в ней звучат – начиная уже с названия – весенние мотивы, как бы соответствующие «оттепельному» настроению: «Ты послушай, весна, этот медленный ритм»; «И – зелень свиданий, / И на каждом дворе / Весна разминает / Пальцы»; «Это синий апрель / Потихоньку заплакал, / Наблюдая апрельские / Шутки людей...» [2, т. 2, с. 675]. И вся лирическая атмосфера песни – поэтичная, жизнеутверждающая:

Нас ласкала в пути
Ледяная земля,
Но мы,
Забывая про годы,
Проползали на брюхе
По минным полям,
Для весны прорубая
Проходы...

[Там же]

Но весенняя тема, во-вторых, повод сказать о людях своего поколения, молодость которых пришлась на годы «минных полей» и которые «почти не встречали целых домов», а встречали «руины и стройки». Молодость анчаровского поколения действительно совпала с эпохой между войной и «оттепелью»; этому поколению довелось восстанавливать разрушенную страну и открывать новые горизонты жизни, и в частности – новые горизонты творчества. «Мы не поздно пришли и не рано», – так спето об этом в «Большой апрельской балладе». Мы знаем, какой блестящей была плеяда творцов, пришедших в искусство в конце 1950-х – начале 1960-х гг. Анчаров принадлежит первой, старшей их волне.

«Большую апрельскую балладу» можно сравнить в классе с другим стихотворением М.Ю. Лермонтова –

«Думой». На фоне лермонтовского «печального» взгляда на свое поколение песня Анчарова, тоже «поколенческая», звучит хотя и драматично (добавим еще такую цитату из нее: «Мы саперы столетья! / Слышишь взрыв на заре? / Это кто-то из наших / Ошибся...»), но с верой в то, что «весенний» дух восторжествует. Сошлемся на финальные строки песни с еще одним (имея в виду уже рассмотренную выше «Балладу о танке...») неожиданным для атеистической советской эпохи сравнением, которое, попади эти стихи в советскую редакцию или издательство, не пропустил бы ни один цензор: «На развалинах старых / Цветут города – / Непорочные, / Словно зачатые». В те годы табуированной была не только религиозная тема, но и тема «зачатья».

Отметим вообще яркую метафоричность песни, как бы соответствующую общему экспрессивному настрою ее (и еще раз услышим «религиозный» мотив): «Это залпы черемух / И залпы мортир. / Это лупит апрель по кюветам. / Это зов богородиц, / Это бремя квартир, / Это ветер листает газету» [Там же]. Стоит обратить внимание и на маршевую интонацию песни, превращающую ее в гимн весне и обновлению.

Вопросы для обсуждения:

- 1) Почему баллада названа «большой» и почему – «апрельской»?
- 2) Как преломились в ней реальные исторические события и обстоятельства середины столетия?
- 3) Как проступает на фоне поэтической традиции новаторство поэта («Дума» М.Ю. Лермонтова) в раскрытии темы поколения?
- 4) Какими художественными средствами пользуется автор песни?

Вариант занятия, который мы предлагаем, конечно же, не единственный.

Песенная лирика М.Л. Анчарова позволяет коснуться темы музыки («Песня об органисте, который в концерте Аллы Соленковой заполнял паузы, пока певица отдыхала»; здесь вновь «обманчивое» «длинное» название), любви («Цыганочка»), быстротечности жизни («Кап-кап»). Можно сказать и о серии песен, написанных поэтом для одного из первых отечественных сериалов – «День за днем» (1971–1972), наиболее попу-

лярными из которых стали «Песня о России» и «Стою на полустаночке», часто звучавшие в 1970-е гг. по радио и телевидению. Они, правда, ближе уже не к авторской песне, а к песне эстрадной, но знакомство с ними может расширить представление учащихся о творчестве Анчарова и во всяком случае оказаться небесполезным для юных слушателей, для их представлений о песенном искусстве позднесоветских десятилетий.

Библиографический список

1. Авторская песня / сост. Вл.И. Новиков. М., 2002.
2. Анчаров М.Л. Собрание сочинений: в 5 т. М., 2019–2021.
3. Лермонтов М.Ю. Собрание сочинений: в 4 т. Т. 1. Л., 1979.
4. Михаил Анчаров: исследования и материалы / сост. А.В. Кулагин, В.Ш. Юровский. М., 2023.
5. Ничипоров И.Б. Авторская песня в русской поэзии 1950–1970-х гг.: Творческие индивидуальности, жанрово-стилевые поиски, литературные связи. М., 2006.
6. Ревич Ю.В., Юровский В.Ш. Михаил Анчаров: Писатель, бард, художник, драматург. М., 2018.
7. Соколова И.А. Авторская песня: от фольклора к поэзии. М., 2002.

References

1. Avtorskaya pesnya [Author's song]. Vl.I. Novikov (ed.). Moscow, 2002.
2. Ancharov M.L. Sbranie sochineniy: v 5 t. [Collected works in 5 vols.]. Moscow, 2019–2021.
3. Lermontov M.Yu. Sbranie sochineniy: v 4 t. [Collected works in 4 vols.]. Vol. 1. Leningrad, 1979.
4. Mikhail Ancharov: issledovaniya i materialy [Mikhail Ancharov: research and materials]. A.V. Kulagin, V.Sh. Yurovsky (eds.). Moscow, 2023.
5. Nicheporov I.B. Avtorskaya pesnya v russkoi poezii 1950–1970-kh gg.: Tvorcheskie individualnosti, zhanrovo-stilevye poiski, literaturnye svyazi [Author's song in Russian poetry of the 1950–1970s: Creative individuals, genre-style searches, literary connections]. Moscow, 2006.
6. Revich Yu.V., Yurovsky V.Sh. Mikhail Ancharov: Pisatel, bard, khudozhnik, dramaturg [Mikhail Ancharov: Writer, bard, artist, playwright]. Moscow, 2018.
7. Sokolova I.A. Avtorskaya pesnya: ot folkloro k poezii [Author's song: from folklore to poetry]. Moscow, 2002.

Статья поступила в редакцию 10.09.2024, принята к публикации 30.09.2024

The article was received on 10.09.2024, accepted for publication 30.09.2024

Сведения об авторе / About the author

Кулагин Анатолий Валентинович – доктор филологических наук, доцент; профессор кафедры русского языка и литературы филологического факультета, Государственный социально-гуманитарный университет, г. Коломна

Anatoliy V. Kulagin – ScD in Philology, Associate Professor; Professor at the Department of the Russian Language and Literature, Faculty of Philology, State University of Humanities and Social Studies, Kolomna, Moscow region

E-mail: kula-mariya@yandex.ru